96-3
13183

Н.И.Кареев

Основы русской социологии

Глава пятая. Появление экономического материализма

I. Слабость экономизма в первом периоде русской социологии
II. Время полемики между народниками и марксистами
III. Марксистское выступление П. Б. Струве
IV. Г. В. Плеханов и его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»
V. Возражения оппонентов экономического материализма
VI. Отношение к нему П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, С. Н. Южакова, В. П. Воронцова, Л. Е. Оболенского, В. М. Чернова, Н. И. Кареева и др.
VII. «От марксизма к идеализму» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. А. Богданов)
VIII. Мысли П. Ф. Николаева, В. М. Чернова и А. М. Гвирцмана о синтезе экономизма с психологизмом
IX. Отношение к экономическому материализму М. М. Ковалевского, С. И. Гальперина, В. М. Хвостова, Н. А. Рожкова и Д. М. Петрушевского

I. СРЕДИ РУССКИХ СОЦИОЛОГОВ НЕ БЫЛО специалистов в области политической экономии, кроме Исаева и Н. И. Зибера (1844—1888), кратковременного доцента Киевского университета, автора, между прочим, труда по генетической социологии под заглавием «Очерки первобытной экономической культуры [М.: К. Т. Солдатенков, 1883; 2-е изд. — 1899][1]. Русских экономистов, как мы видели, почти совсем не затронуло социологическое движение, и экономическая сто-

рона общественной жизни была недостаточно обследована в трудах русских социологов. Общий их подход к социальным явлениям был отчасти биологический, в особенности же психологический, причем общество понималось ими преимущественно как коллектив, в котором происходят разнообразные взаимодействия между отдельными его членами и в числе этих отношений и экономические, а не как некоторая структура, объективно существующая над индивидуумами. Реальны — повторялось на все лады, — реальны в обществе только люди, т. е. отдельные единицы, хотя признавалась и реальность тех культурных форм, в которых протекает жизнь и деятельность этих единиц. Сами эти формы представлялись как некоторая опять-таки совокупность, комплекс, а не нечто целостное и единое. А между тем во время возникновения русской социологии уже существовала, еще с середины XIX в., социологическая доктрина, в основе которой лежала как раз мысль о доминирующем значении экономики в социальной жизни, а именно учение Маркса и Энгельса о хозяйственно-материальных отношениях как об основе социальной жизни, по отношению к которой все остальное в этой жизни является только надстройкой. Маркс, конечно, был хорошо известен русским социологам и высоко ценим ими как экономист, но как раз его «экономический материализм» не оказывал никакого влияния на русскую социологию. Причина этого заключалась в том, что основная идея экономического материализма была высказана слишком коротко, без обосновывающих аргументов и детального развития, слишком аподиктично и догматично. Известно, что в самой Германии долгое время не появлялось ни одной работы, в которой эта идея получила бы теоретическое обоснование и разработку.

До какой степени основная идея экономического материализма мало обращала на себя внимание, можно видеть хотя бы из того, что Лавров заговорил о ней только в конце своей жизни, когда как-то сразу же после смерти Маркса и незадолго до кончины Лаврова началась теоретическая разработка экономического материализма. Когда автор настоящей книги писал свои «Основные вопросы философии истории», он был, живя в Париже, в близком общении с Лавровым и пользовался как его библиотекой, так и его указаниями, и хотя у нас нередко заходила речь о Марксе как политическом деятеле, с которым Лавров был лично знаком, но ни разу не поднимался вопрос о теоретической предпосылке «Коммунистического манифеста» как о некоторой общей социологической теории. Критики указанной книги равным образом не указывали в этом отношении на пробел в обзоре разных учений, содержавшемся в книге. То же самое относится и к Михайловскому, конечно бывшему знакомым с главным трудом Маркса. У Михайловского были только две статьи чисто экономического содержания: «Политическая экономия и общественная наука» [1874] и «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» [1877], но обе статьи могут служить показателями только того, как далек был Михайловский от того, чтобы выдвинуть на первое место в социологии экономическое начало. В первой из этих статей он, заявив, что предметом социологии должны быть «законы различных отношений между различными формами общежития и отношений этих форм к человеческой личности», указывал на то, что «законы хозяйственного общения», составляющие предмет политической экономии, должны занять в социологии «свое, строго определенное место, но отнюдь не выпячиваться ребром», так как социология определит отношение этих экономических законов к законам других форм общения — политического, религиозного, национального и др. Поэтому Михайловский предлагал «отре-

шиться от предвзятого пристрастия к какой бы то ни было форме общения», видя в таком отрешении «истинно социологическую точку зрения», которая, по его убеждению, может не только «внести свет в трущобы экономической науки, но и выяснить отношение ее к сопредельным отраслям знания». Социология, говорил Михайловский в заключение, выяснит сложный и запутанный процесс взаимодействия различных типов общения, в числе которых экономическое общение занимает место наряду с другими, а потому, прибавил он, естественно, что политическая экономия станет при этом в подчиненное положение по отношению к науке общественной. Все это рассуждение очень далеко от учения Маркса об экономическом базисе и о разных на нем надстройках. Равным образом и в другой статье, разоблачавшей непонимание названным критиком «Капитала» Маркса, Михайловский назвал «целой философско-исторической теорией» Маркса только параграф о «так называемом первоначальном накоплении», когда это была только часть такой теории, если принять в расчет то, что содержалось еще в «Коммунистическом манифесте» и в книге «К критике политической экономии».

Если, однако, общая социологическая идея Маркса оставалась совсем неведомой в русской литературе, это не значит, что у нас никем не высказывалась мысль о первенствующем и определяющем значении экономики в исторической жизни. Авторы специальных работ о Чернышевском, который был выдающимся экономистом, указывают на значительное приближение его мыслей к мыслям Маркса. Чернышевский его не знал, и о заимствовании здесь не может быть речи, но он образовался как социальный мыслитель под теми же самыми умственными влияниями, синтезом которых была и философия Маркса. Это были, как известно, влияния, во-первых, немецкой философии в форме

радикального разветвления гегельянства, во-вторых, французской социальной мысли в утопизме и в историографии и, в-третьих, английской экономической науки. Весьма естественно, что Чернышевский, бывший притом, как и Маркс, революционно настроенным, приходил к некоторым воззрениям в духе экономического материализма.

Одним из предшественников позднейших русских марксистов был сотрудничавший в «Русском слове» и «Деле» семидесятых и восьмидесятых годов критик и публицист П. Н. Ткачев (1844—1885), писавший в период своей нелегальности (ссылка и эмиграция) под псевдонимом П. Никитин. Ценя в литературе выше всего общественный характер содержания литературных произведений и находя, что в произведениях наших беллетристов его очень мало, Ткачев объяснял это условиями русской общественной мысли, и в особенности условиями экономическими, находя, что основами узкого индивидуализма, характеризующего вообще общественную жизнь, и порождаемой им борьбы между людьми является частная собственность. Повторяя эту мысль при каждом подходящем случае, он утверждал, что «зная, каковы насущные экономические интересы данного общества, мы знаем, каковы должны быть и его нравственные идеалы и господствующие среди него свойства и привычки». Все, что не вытекает непосредственно из данной экономической среды, должно оказаться непрочным. Если Россия начала обновляться, то причину этого следует искать в зарождении у нас «реальной экономической почвы для восприятия и возращения прогрессивных идей». Ткачев был чуть ли не первым русским писателем, назвавшим в нашей печати имя Маркса и упомянувшим о его экономическом материализме, но сделано это им было мимоходом в библиографическом листке «Русского слова» за 1865 г., где было сказано им следу-

ющее: «Все явления юридические и политические представляют последствия явлений жизни экономической; эта жизнь юридическая и политическая есть, так сказать, зеркало, в котором отражается экономический быт народа». При этом Ткачев отметил, что «еще в 1859 г. известный немецкий изгнанник Карл Маркс формулировал этот взгляд самым точным и определенным образом». Весьма понятно, что, когда Лавров выступил со своим учением о роли критической личности, Ткачев в своей критической статье «Роль мысли в истории» [Дело. — 1875. — № 9, 12] об «Опыте истории мысли» заявил, что «нервом общественной жизни и истории нужно признать не критическую мысль, а экономические отношения». Впрочем, он был очень далек от отрицания значения «людей будущего» в осуществлении своего социалистического идеала.

Н. И. Зибер (1844—1888), очень короткое время, в начале семидесятых годов прошлого века, занимавший доцентуру по политической экономии, был одним из первых русских марксистов[2], магистерская диссертация которого («Теория ценности Д. Рикардо», 1871, и ее переработка «Д. Рикардо и К. Маркс [в их общественно-экономических исследованиях]», 1885) доказывала, что теория ценности Маркса являлась дальнейшим развитием теорий Адама Смита и Рикардо, а статьи, помещавшиеся им в «Отечественных записках», в «Знании» и «Юридическом вестнике», органах, стоявших близко к социологии, были переизданы в «Собрании сочинений». Главное право на то, чтобы занять место в истории русской социологии, дали ему его «Очерки первобытной экономической культуры» [М.: К. Т. Солдатенков, 1883], относящиеся к генетической социологии. В этом отделе социологии обыкновенно преобладала правовая точка зрения, тогда как Зибер выдвинул на первый план первобытные хозяйства, ранние формы производства, организацию общественного труда и общественных форм экономической жизни.

II. Начало настоящего развития экономического материализма в России относится к середине последнего десятилетия прошлого века, причем сторонники его выступили против уже существовавшей у нас социологической литературы крайними полемистами. До этого момента представители разных направлений теоретической социальной мысли мирно уживались в нашей журналистике, но как раз в середине девяностых годов русская передовая интеллигенция раскололась на два лагеря, которые тогда в легальной литературе получили название народников и марксистов, а позднее определились как политические партии социалистов-революционеров (и отделившихся от них народных социалистов), с одной стороны, и социал-демократов, с другой. Оба направления были социалистическими, но один социализм был крестьянский, другой — пролетарский, и в той полемике, которая тогда возгорелась и в прессе, и в некоторых ученых обществах, и в кругах учащейся молодежи, большую роль играли вопросы о путях экономического развития России, о крестьянской поземельной общине, о кустарных промыслах, о народных артелях — все вопросы практической политики, очень далекие от наиболее общих и отвлеченных вопросов теоретического учения о человеческом обществе. При этом под общим названием народников разумелись и такие люди, которые никогда себя к народникам не причисляли, и вышло даже так, что та «субъективная социология», на которую особенно нападали марксисты, т. е. социология Лаврова, Михайловского и т. д., не была народнической, как, например, В. П. Воронцова[3], в сущности, тоже, как и

марксисты, стоявшего на точке зрения исключительного экономизма, очень далеко от этико-социологического направления. Защита настоящими народниками общины, кустарного производства, артелей не находилась ни в какой связи с социологическими воззрениями Лаврова, Михайловского и др., в свою очередь, ничего не говоривших о формах землепользования или обрабатывающей промышленности. Между тем в полемике все это смешивалось, и страсти разгорались никак не из-за отвлеченных формул той или другой социологической доктрины, а из-за вопроса, по какому экономическому пути следует впредь развиваться России. Страстность, однако, вносилась (особенно в публичных дебатах) и в обсуждение этих абстрактных вопросов, сводившихся, в сущности, к двум вопросам: где, грубо говоря, искать обоснования социальной науке, в психической ли природе человека или в производительных силах и производственных отношениях общества, и следует ли социологии руководствоваться этическими соображениями, или же в ней должен господствовать строжайший объективизм? Из этих двух вопросов более принципиальное значение имел первый, могущий быть сведенным к вопросу о психологизме или об экономизме в социологии. Во всяком случае, — что прямо не мешает повторить, — социологический психологизм русской школы совершенно никем не был связан с крестьянским социализмом, да и никак не мог бы быть связан в противность неразрывной связи экономического материализма с учением об исторической роли пролетариата. Все дело было в том, что, по господствовавшему среди народовольцев убеждению, действия людей обусловливаются психологическими соотношениями, а не экономическими условиями, и этого было достаточно, чтобы политические противники народовольцев особенно резко на них нападали.

Рассматривая спор народников и марксистов исключительно в области отвлеченной проблемы социологии, как спор психологистов с экономистами, как его поняли сами марксисты, идеалистов и материалистов, необходимо еще иметь в виду одно обстоятельство. Вся прежняя социология у нас, как и на Западе, вела свою научную традицию от Конта, хотя, в сущности, от его социологии очень скоро не оставалось камня на камне, и как общий психологизм ни придавал некоторое единство большей части отдельных произведений социологической литературы, все-таки не образовалось никакой единой социологической доктрины, и в этой литературе с общей психологической ориентацией царил разброд индивидуальных постановок и решений главнейших проблем. Наоборот, развитие марксистской социологии пошло по одной очень определенной линии не индивидуальных поправок, а углубленного изучения произведений Маркса и Энгельса для понимания в их же духе основных положений экономического материализма и дальнейшего их развития в строгом согласии с другими воззрениями обоих основоположников этого учения. На этой почве под влиянием еще партийной дисциплины образовалось еще понятие теоретической дисциплины, не допускающей никаких отклонений, никаких эклектических компромиссов, никаких уступок.

Само это теоретическое развитие марксизма началось именно в указанные годы. До этого времени из всего того, что было оставлено Марксом в наследство позднейшим поколениям, менее всего его последователями было обращено внимание на его чисто социологическую доктрину, и одним из первых, кто ее обособил в общем учении Маркса и поставил вопрос о ее обосновании и дальнейшем развитии, был русский эмигрант Плеханов незадолго до того времени, когда в немецкой марксистской литературе Э. Бернштейн в

своих «Предпосылках социализма» (1896) подверг ревизии все учение Маркса, не исключая экономического материализма. Выступая в русской литературе с проповедью экономического материализма, [Плеханов] повел ее в чисто полемическом духе, что и с той стороны, на которую сделано было нападение, вызвало не спокойное обсуждение, а также полемический отпор.

Нужно, однако, в эти годы различать марксизм революционный и марксизм легальный, имевший свои органы в России в виде таких журналов, как «Мир Божий», превратившийся в «Современный мир», «Начало» и «Новое слово», тогда как оппозиция против нового направления шла из «Русского богатства», бывшего продолжением «Отечественных записок».

Собственно говоря, сама полемика эта была начата «Русским богатством», в котором в конце 1893 и начале 1894 г. было помещено несколько статей Михайловского, Южакова и Кривенко против марксистов, уже сделавшихся к тому времени очень популярными [у] части передовой молодежи. Полемика эта велась не только в печати, но и на некоторых собраниях, посещавшихся большим количеством публики. Двумя главными аренами диспутов между обоими направлениями общественной мысли были два петербургских ученых общества: Вольно-экономическое и Историческое при университете. В первом шли споры на экономические темы, во втором — на имевшие отношение к истории и социологии, но в обоих прения протекали необычайно бурно вследствие очень страстного отношения публики к предметам спора[4]. Аудитория, состоявшая преимущественно из учащейся молодежи, резко делилась на два лагеря, бурно аплодировавший и резко шикавший докладчикам и оппонентам, причем главными марксистскими ораторами выступали два молодых ученых: Струве и Туган-Барановский.

Если держаться хронологического порядка, о выступлении Струве в легальной русской печати приходится сказать раньше Плеханова. Две именно книги вызвали всю указанную полемику: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» Струве, вышедшие в 1894 г., и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Бельтова, под каковым псевдонимом скрывался Плеханов, с пометкой 1896 г.[5]

III. Петр Бернардович Струве [1870—1944][6] был совсем еще молодым человеком, когда выпустил в свет свою книжку, в которой объявил себя учеником Маркса и последователем экономического материализма. Этой позиции он, однако, удерживался сравнительно недолго, потому что постепенно отошел от марксизма, перешедши через бернштейнианство и неокантианство к откровенному идеализму. Политический эмигрант в 1902—1905 гг., один из видных деятелей конституционно-демократической партии после революции 1905 г., даже член Государственной думы, все время деятельный публицист, он занимался много и политической экономией, что доставило ему профессуру на экономическом отделении Политехнического института и кресло в Академии наук, но эмигрировал после октябрьского переворота 1917 г. Таким образом, марксистом Струве пробыл очень короткое время, но это не помешало ему сыграть свою роль в распространении в России экономического материализма. В названной книжке он противопоставил последний «социологическому мировоззрению, традиционно господствовавшему в нашей прогрессивной литературе» с его двумя учениями — о роли личности в истории и о «специфическом национальном духе русского народа и об особенных его исторических судьбах». Второе действительно было народническим[7], но не имело от-

ношения к общей социологии, первое же касалось этико-социологического направления, не бывшего народническим. Струве указывал здесь на то, что идеалы, руководящие деятельностью личностей, создаются действительностью, но никак не действительность идеалами, и что раз нравственность, право и государственные формы являются надстройкой над экономической базой, социология должна игнорировать личность как нечто совершенно малозначащее[8]. Полемизируя с русскими «субъективистами», Струве утверждал, будто бы, во-первых, «личность все может в том смысле, что для нее не существует социологической необходимости», и, во-вторых, что «личности принадлежит самопроизвольная творческая сила, ничем не обусловленная». Разумеется, таких антинаучных положений никто никогда из русских социологов не высказывал. Этическому субъективизму опровергаемого учения Струве противопоставлял нарочитый объективизм принятой им доктрины, хотя сам высказывал весьма субъективные оценки, оправдывая (именно оправдывая, а не только объясняя) античное рабство, без которого не было бы ни греческой культуры, ни римской истории, ни современной Европы, оправдывая и средневековое крепостничество, «потому что только то объединение сил, которое являлось результатом личной зависимости, могло создать в натуральной организации хозяйства условия экономического и вообще культурного прогресса». И если Струве, с одной стороны, особенно настаивал на чисто стихийном характере исторического процесса, то, с другой, относился к нему с величайшим оптимизмом как к чему-то разумно ведущему к высшей цели.

Критика русской социологии, однако, не сопровождалась сколько-нибудь связным и последовательным изложением самого экономического материализма, противопоставлявшегося этой самой социологии. Заявляя себя сторонником экономического материализма,

Струве оговаривался сам, что «не мог не признать, что философское обоснование этого учения еще не дано», и допускал, что в нем «многие односторонности и слишком поспешные обобщения будут оставлены», но, на его взгляд, «зерно учения является верным», задачу же своей книги, однако, он полагал не столько в обосновании и критике, сколько в противопоставлении обоих учений, то и дело заявляя, что не будет останавливаться на отдельных пунктах реферируемой им доктрины. Струве привлекала «самая попытка из одного начала объяснить весь исторический процесс», и вот всех «прогрессивных» социологов, раз они не принимают экономического материализма, [он] подводил под общую категорию исторических идеалистов, народников, хотя и отмечая, что Михайловский «вполне справедливо» не считал себя таковым, и называя сам других народников (Воронцова и Пругавина) материалистами. К числу авторов, которым возражал Струве, [принадлежал] еще Николаев, который, как мы увидим ниже, принимая общую идею Маркса, тем не менее признавал роль идей и сознательного действия личностей в историческом процессе. Струве порицал его за это «отрицание универсальности основного начала экономического материализма», хотя местами сам говорил о «психологических условиях экономических явлений», о «психологических предпосылках, на которые опирается вся политическая экономия» и т. п. Мало того, в некоторых высказываниях Струве в данной книжке уже как бы чувствуется Струве более позднего времени.

IV. Гораздо более важное значение в истории русской социологии принадлежит другой книге, вышедшей почти в одно время с книгой Струве, именно книге Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданной под псевдо-

нимом Н. Бельтова, одним из многочисленных его псевдонимов.

Георгий Валентинович Плеханов [1857—1918], начавший свою хорошо известную революционную деятельность в 1876 г., эмигрировавший за границу в 1880 г., уже в самом начале своей заграничной жизни изучал политическую экономию, сделался ортодоксальным марксистом[9], разошедшись со старым народничеством, по-своему толковавшим учение Маркса, что и проявилось в его тогдашней брошюре «Социализм и политическая борьба» (1883) и в книге «Наши разногласия» (1884). Это была критика не отвлеченной научной теории, а практического политического поведения, и критика столь же резкая по тону, какую представляет собой и вышеназванная книга об историческом монизме, написанная уже не против того или другого политического поведения, а против известного научно-философского понимания. У нее был и подзаголовок «Ответ гг. Михайловскому, Карееву и К°», указывавший, что она была направлена против «субъективной социологии», которую он отличал от народничества, как то показывает другая его книга (под псевдонимом А. Волгина) «Обоснования народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)» (1896). Книга Плеханова о монистическом взгляде имела громадный успех и разошлась необычайно быстро, дождавшись второго и следующих изданий только после революции 1905 г. Плеханов выступил также с критикой против Струве, Богданова и др.[10]

Книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» содержала в себе целую историю генезиса экономического материализма из французской философии XVIII в., из французской историографии XIX в., из социального утопизма и из немецкой идеалистической философии. Автор не только излагал их учения, но и критиковал их. Центральным пунктом его полемики явилось учение о «человеческой природе», из которой разными писателями выводилось все содержание исторической жизни, хотя и сам же исходил из «отличительной черты человека», состоящей в «делании и употреблении орудий» и поставленной опять-таки им же самим в зависимость, впрочем, от другой еще черты — от общественности. Основная мысль Маркса не просто излагалась Плехановым, а пояснялась, дополнялась, развивалась собственными его соображениями, причем он представлял дело так, что до Маркса общественные отношения людей объяснялись исключительно их взглядами и сознательная деятельность людей иначе не понималась, как в смысле полной свободы этой деятельности, исключающей понятие о необходимости. Комментируя Маркса, Плеханов иногда высказывался совсем не в духе его идей, когда, например, рассматривал его экономику и его психологию как «две стороны одного и того же явления», оговариваясь, что его, пожалуй, обвинят (хотя и напрасно) в противоречии с самим собой, а главное, с Марксом. Экономический материализм учит о приспособлении психологии к экономике, и если психологическая эволюция может «предшествовать» экономической, даже «опережать» ее, то и при этом психология «ни на минуту не перестанет приспособляться к экономии», хотя бы это было «приспособлением к экономии будущего», т. е. «к новым будущим отношениям производства». На указание критиков экономического материализма, что у него нет «великой книги», Плеханов возражал указанием на целых три книги, из которых только одна действительно была реальной книгой, именно «Капитал», говоривший не об экономическом материализме, а две другие были книгами лишь в переносном смысле. Это, во-первых, вся «история философии и общественной науки с конца XVIII столетия», а во-вторых — вся «история европейских событий, начиная с 1848 года». Сравнивая изложение и защиту экономического мате-

риализма у Плеханова с тем же самым у систематизаторов этого учения более позднего времени, нельзя не отдать им предпочтения и по большей верности их объяснений основных идей Маркса, и большей последовательности в развитии выводов, делавшихся из первоначальных посылок.

Сильной стороной критики Плехановым прежней русской социологии было указание на преобладание в ней психологизма, но он эту ее особенность отождествлял с тем идеализмом, против которого ратовал Маркс. Если Струве центральный пункт критикуемой теории видел в ее учении о личности, представлял последнее в неверном толковании, то Плеханов нашел этот пункт в понятии человеческой природы, не делая различия между современным социологическим психологизмом и устарелыми воззрениями, против которых совершенно справедливо ратовал Маркс. Столь же неверно, как и у Струве, было утверждение, будто ученые критикуемого направления не могли понять сознательной деятельности людей не иначе, как в смысле полной свободы этой деятельности, исключающей понятие о необходимости.

V. Книги Плеханова и Струве вызвали, как уже было сказано, оживленную полемику, после которой, в общем, обе стороны остались при своем. В ней ни та ни другая сторона не заботились о том, чтобы найти общий язык, чтобы на чем-нибудь договориться, найти общую почву, устранить возможные недоразумения и пересмотреть критически собственные исходные пункты. Нападающей стороной было новое направление, и старому приходилось поэтому больше обороняться и доказывать, что во многом представители нового направления неверно понимали и толковали критикуемые идеи, смешивая их с устарелыми взглядами, которые разбивал Маркс своей критикой.

Полемизируя с Плехановым и Струве, критики их книг отнюдь не думали опровергать Маркса и, наоборот, иногда думали побивать своих противников авторитетом самого же Маркса, находя, что его последователи сами его неверно перетолковывают. Во всяком случае, мысль о производительных силах и производственных отношениях, лежащих в основе общественной структуры, сама по себе не затрагивалась, и критики не соглашались только с мыслью о сведении всей общественной культуры единственно и исключительно к этой экономической основе, иногда прямо заявляя, что новое учение должно быть с оговорками и поправками включено в социологию.

Полемика велась по многим линиям, на очень широком фронте, начиная с вопросов общефилософского характера и кончая вопросами тогдашней российской действительности. Устраняя как первые (проблемы теории знания и общего миросозерцания), так и вторые (задачи очередной политики), не выходя из более тесных пределов отвлеченной социологии, можно сказать, что главным пунктом, скорее, была возможность или невозможность монистического понимания общественной жизни и истории. Критики экономического материализма сами были очень далеки от какого бы то ни было спиритуализма или идеализма, стоя на реалистической, а иногда и на материалистической точке зрения, и в своем психологизме, которым вовсе не думали объяснять все явления общественной жизни, отнюдь не ударялись в один интеллектуализм, признавая в общественной жизни большую силу за игрой эмоций и стремлениями воли. Собирая воедино все аргументы, высказывавшиеся критиками Плеханова и Струве и их сторонниками, их можно представить в следующем виде.

Во-первых, им представлялось односторонним сведение всех отношений между человеком и природой к одному добыванию из нее средств к существова-

нию — к отношению, так сказать, материально-утилитарному: природа действует еще на человеческую психику, вызывая в человеке разные эмоции и умственные запросы, лежащие в основе духовной культуры, искусства и мифологии, религии и философии и, наконец, науки, начало которой притом коренится не в одних практических потребностях, но и в теоретических запросах ума. Вследствие этого критики считали невозможным рассматривать духовную культуру как только надстройку над исключительно экономическим базисом. Во-вторых, если, говорили критики, на этот базис и можно смотреть как на основу всей совокупности чисто социальных отношений, то и в этом смысле нельзя себе представить производственные отношения между людьми без их психологического взаимодействия, т. е. как будто бы все дело происходило чисто механически или органически без всякого психологического момента. В-третьих, и отношения между отдельными членами общества, указывалось критиками, возникают не на одной только производственной почве, т. е. на почве удовлетворения людских материальных потребностей, но и при существовании у человека иных потребностей, начиная с чисто физического полового инстинкта и кончая влечением к психическому общению, проявляющемуся, например, в играх, которые существуют уже и в зоологическом мире. То, что принято называть моралью, не может быть поэтому выводимо из одних только производственных отношений между людьми. В-четвертых, критиками указывалось еще на то, что и сами практические отношения между людьми имеют свое основание не в одном коллективном добывании вещей, необходимых для жизни, но и во многом другом, как, конечно, прежде всего, во взаимной защите, а потом и в упорядочении взаимных индивидуальных отношений и, наконец, в совместном удовлетворении духовных потребностей. Коротко говоря, в создании самого

экономического базиса, принимаемого экономическим материализмом за основу всей общественной культуры, уже участвует психика, потому что культура, как духовная, так и социальная, не может быть выведена из единого источника, поскольку отношение человека к природе не исчерпывается одним производством, как и взаимными отношениями между самими людьми также. Ко всему этому присоединилось пятое соображение, отмечавшее в истории наличность других антагонизмов, кроме классовой борьбы,— антагонизмов, возникающих, между прочим, на чисто эмоциональной или интеллектуальной почве. В конце XIX в. диалектичность социального развития не выдвигалась еще вперед в теории экономического материализма, как это было сделано впоследствии. Если марксистский экономический базис всего общественного бытия являлся антитезисом контовскому положению, что «всякий общественный строй покоится на мнениях», то у некоторых критиков, естественно, возникал вопрос, не нужно ли произвести социологический синтез «экономизма» и «психологизма» без всякого отношения к онтологическим гипотезам материализма, спиритуализма, панпсихизма и т. п.

VI. Лавров, не разделявший ни материалистической философии Маркса, ни исходного пункта его социологии и полагавший, что основная идея экономического материализма обязана своим происхождением особой роли экономики в XIX столетии, не только не принял участия в полемике, но даже не высказался достаточно определенно по вопросу, хотя в эти годы им были написаны два его последних труда. Причиной его сдержанности было нежелание участвовать со своей стороны в нарушении социалистического единства и солидарности из-за чисто теоретического вопроса, казавшегося ему притом довольно-таки вто-

ростепенным. В частных разговорах он прямо выражал сожаление, что возник такой спор, произошел даже такой раскол.

Михайловский, который не был так тесно связан с революционным движением и, кроме того, был, так сказать, вызван на бой и Плехановым, и Струве, не разделял такого соображения, но из-под его пера не вышло по поводу экономического материализма ни одной крупной работы, которую и по размерам, и по обстоятельности содержания можно было бы поставить рядом с теми статьями, в которых он, например, обсуждал вопрос об отношении социологии к дарвинизму или органистическую теорию Спенсера. Все его возражения Плеханову и Струве изложены были довольно разбросанно, несистематично в ведшейся им в последние годы жизни постоянной журнальной хронике под заглавием «Литература и жизнь». В прекрасном предметном указателе к 10-му тому «Полного собрания» его сочинений нет даже особой рубрики из числа восемнадцати, на которые был разделен весь этот указатель, и есть только небольшой подотдел о полемике с марксизмом. Было ли это следствие утомления или какой-либо другой причины, но только Михайловский по вопросу об экономическом материализме не дал ничего цельного, ничего систематичного.

Тем не менее Михайловский все-таки высказался определенно. Еще до появления книг Струве и Плеханова Михайловский в статьях своих «Литература и жизнь» [1893. — № 10; 1894. — № 1, 2] под влиянием больших успехов марксизма среди молодежи[11] высказал свой взгляд на экономический материализм, вместе с тем отмежевавшись от народничества, которое как нечто единое и цельное противопоставлялось тогда марксизму. Он прямо указал, что народничество не сумело сколько-нибудь обстоятельно не только обосновать, а даже формулировать взгляды, которые сами

по себе совсем не были его, Михайловского, взглядами. Конечно, вообще он высоко ставил экономическое учение Маркса, даже защищал его от неосновательных нападок (в известной статье «К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского»), но совершенно иначе относился к теории экономического материализма как к учению, оставшемуся у самих его творцов необоснованным и совершенно неразработанным популяризаторами, комментаторами и пропагандистами этой теории, ставшему, однако, чем-то вроде символа веры, который допускает толкования, но никак уже во всяком случае не сомнения. Действительно, оно не имело еще своей специальной литературы, не имело ни своей великой книги, потому что «Капитал» занимался совсем другим делом, а не обоснованием исходной идеи экономического материализма, ни сколько-нибудь детальной разработки в ряде книг и статей. Михайловский даже утверждал в своей статье, что «менее всего эта теория может претендовать на научное происхождение», что «она родилась вне науки и, несмотря на войну ее творцов с метафизикой, именно в недрах гегельянской философии». Последнее обстоятельство даже опорочивало теорию в глазах позитивиста, хотя касалось только метода, а не содержания теории, подсказанной, наоборот, самой общественной жизнью первой половины и особенно середины XIX в. Михайловский даже считал нужным защитить самого Маркса от его последователей. Они, по мнению Михайловского, превратили в догмат мысль, выраженную Марксом чисто отвлеченно или с преувеличенной реальностью, сам же великий экономист «был слишком умен и учен, чтобы думать, что он открыл идею исторической необходимости и закономерных общественных явлений». Если справедливо обвинение ученых в замалчивании Маркса, говорил далее Михайловский, то оно относится никак не к экономическому его учению, а только к

его исторической теории, не бывшей никогда научно обоснованной и проверенной, и если она имела успех, то зависел он не от ее научного достоинства, а от «житейской практики, устанавливаемой перспективами в сторону будущего, так как для принятия этой теории не требовалось ни научных знаний, ни критической мысли, а нужна была одна вера». Успех экономического материализма у немецких рабочих не удивил Михайловского, наоборот, считавшего, однако, «поистине удивительным у нас» выпавший на ее долю успех. Впрочем, Михайловский обошел молчанием саму идею экономического материализма, не поставив вопроса, каким же образом следует понимать возможность происхождения всех сторон общественной жизни, не исключая духовной культуры, из одной экономической основы. Во второй статье через месяц Михайловский критиковал гегельянскую схему марксизма, только мимоходом и вскользь высказавшись против разложения «крайне сложной общественной жизни на экономический фундамент и на надстройку, совмещающую в себе все остальное», иначе говоря, против построения всей истории, «слишком сложной и разносторонней, на каком бы то ни было одноцветном фундаменте». После выхода книг Струве и Плеханова Михайловский отвечал им обоим в октябрьской за 1895 г. и в январской за 1895 г. книжках «Русского богатства». Между прочим, он упрекал Струве в чисто догматическом отношении к экономическому материализму (как мусульманина к Корану) и в том, что он не всегда был близко и точно знаком с опровергаемыми взглядами, а с Плехановым он сводил еще и чисто личные счеты. Сопоставляя взгляды обоих своих критиков, он указывал на то, что по многим, весьма важным и даже наиболее существенным вопросам теории они не спелись между собой. Из всех своих соображений и из разбора обеих книг Михайловский

делал крайне отрицательный для экономического материализма вывод, посоветовав его сторонникам «сосредоточить свои силы прежде всего на доказательстве того, что сущность исторического процесса состоит в саморазвитии форм производства и обмена и что правовые и политические учреждения, равно как и религиозные, философские и все прочие воззрения каждого данного периода, суть только надстройки над этим основанием».

Тогда же, в сезон 1894—1895 гг., о книгах Струве и Плеханова говорил в печати и Южаков, включивший потом свою статью о них во второй том своих «Социологических этюдов». Особенность его отношения к экономическому материализму заключалась в том, что он брал его не в специально марксовском, а в более широком и расплывчатом смысле «всякой доктрины, утверждающей, что преобладание в общественном процессе принадлежит экономическому элементу и что именно на экономическом основании строится и политическое, и умственное состояние общества и вообще всего его быта». С этой точки зрения Южаков считал вполне возможным назвать экономическими материалистами Чернышевского, Добролюбова, М. М. Антоновича, Ю. Г. Жуковского, Г. З. Елисеева. Этому направлению Южаков противополагал не столько народничество, как это тогда делалось, с Кривенко и Воронцовым во главе, сколько «этико-социологическую школу», к которой, конечно, причислял и себя. Он даже находил, что народничество в значительной степени «соответственно» экономическому материализму, «хотя, по-видимому, и состоит с ним в крайнем противоречии, поскольку оба направления придают исключительное значение экономике национальной жизни». Сам, признавая значение экономической борьбы в обществе и важную роль, которую в ней играют орудия еще в первобытном состоянии, Южаков рас-

членял вопрос об этой борьбе на вопросы о борьбе между индивидами, с одной стороны, и борьбе международной, с другой, — очень характерное место в его «Социологических этюдах», показывающее, как еще мало придавалось им значения борьбе классовой, о которой упомянуть он не забыл, но которую не понял в том значении, в каком о ней учил Маркс.

Главным органом, печатавшим статьи, посвященные экономическому материализму, было «Русское богатство», где и появилась статья Южакова [1895. — № 2]. В том же году в этом журнале были помещены статьи Л. Зака «Экономический материализм» [№ 1], Николая-она (Даниельсона) «Что же значит экономическая необходимость» [№ 3], И. Б-ского «Нечто о диалектическом методе» [№ 4], Н. Кудрина (Н. Русанова) «На высотах объективной истины» [№ 5]. В этих статьях давалась более или менее несочувственная оценка книгам Плеханова и Струве, но это отнюдь не было отрицанием важности экономического фактора, а только выражалось несогласием с придаванием ему исключительного значения, бывшего в глазах критиков недоказанным, и с догматическим характером доктрины, не устранявшей, однако, разногласий среди ее сторонников. Южаков особенно подчеркивал «экономический материализм старого типа» в лице Николая-она (Даниельсона), не обособляя себя так резко от этико-социологической и народнической школ. Нельзя не отметить, что и сам этот представитель «старого типа» оказался среди противников нового течения.

К этому же старому типу принадлежал и сотрудник «Русского богатства» Л. Зак, который прямо заявлял следующее: «Экономический материализм — в том виде, как его основные положения сформулированы в книжке г. Бельтова, — бессилен» создать научную теорию и «теряет свое значение для объяснения исторических фактов. Сторонникам экономического материализма необходимо считаться с вопросом о том, в состоянии ли теория выдержать бремя накопившихся до сих пор фактов. Для защиты теории она должна указать, что она подтверждается исторической действительностью. До сих пор еще таких доказательств мы не имеем». Тот же критик подчеркивал еще то, что раз эта теория «сделалась орудием партийной агитации и была ввергнута в водоворот партий, то о хладнокровном, беспристрастном к ней отношении не может быть речи».

Так как полемические стрелы Струве и Плеханова были направлены, кроме Михайловского, и на известного экономиста В. П. Воронцова, писавшего под своими инициалами В. В., а этот чистый «народник», далекий от этико-социологического направления, сам, наоборот, очень близкий к экономической исключительности, но социологом не бывший, тоже выступил против своих критиков, хотя только как публицист, не согласный с ними по вопросам о русской крестьянской общине, артели, кустарных промыслах. Впрочем, и он в статье «Экономический материализм на русской почве» («Новое слово», 1895) обратил внимание на то, что экономический материализм, несмотря на свое полувековое существование, сохранил свой первоначальный вид, «лишь формально ожидающий своего содержания» и за отсутствием его «удобно могущий вместить все, что заблагорассудит вместить в него субъективное чувство данного лица». В данном отношении Воронцов сошелся с Заком, который тоже находил, что экономический материализм «представляет простор для субъективных толкований, видоизменений и дополнений сообразно со вкусом того или другого писателя». И Воронцов далее указывал на то, что в книге Плеханова экономический материализм оставался необоснованным, и прямо ставил в вину последователям Маркса, что между ними не нашлось

нескольких человек, «настолько прилежащих к науке, чтобы бороться за исповедуемое ими учение научным его обоснованием». Говоря это, Воронцов прибавил: «Гипотеза экономического материализма наибольшим успехом обязана партийным соображениям и расчетам». Наконец, и у него с порицанием, как и у сотрудников «Русского богатства», ставилась на вид та «чисто сектантская ревность», с какой последователи теории держатся «за гегельянщину».

Высказался по поводу обеих книг и Оболенский. Как и Южаков, он обратил внимание на резкость, с какой оба автора выступили против прежних направлений русской общественной мысли. Характерен заголовок, который Оболенский дал своей большой статье в «Русской мысли» за 1895 г. [№ 8, 9], а именно «Новый раскол в нашей интеллигенции». Он выражал в этой статье согласие с основным положением гипотезы, но только условно, так как считал его «пока недоказанным». Даже допуская, что гипотеза верна, Оболенский находил, что надо было бы чересчур сузить ее понимание, чтобы видеть, например, в юридических учреждениях Запада только продукт капитализма. В общем, отношение этого критика к экономическому материализму осталось, однако, неопределенным. Статья Оболенского вызвала со стороны Струве возражение («Несколько слов по поводу» и т. д.), напечатанное в том же журнале [1896. — № 2], на что первый отвечал там же [№ 4], но в этой полемике на первый план выступал не отвлеченный вопрос социологии, а чисто конкретный вопрос об экономическом развитии России. В той же «Русской мысли», в апрельской книжке за 1896 г., помещена была критическая статья об экономическом материализме редактора этого журнала В. А. Гольцева (1850—1906), вызвавшая со стороны Плеханова «ответ», который был напечатан в сентябрьской книжке за этот же год.

Гольцев, подобно другим критикам, считал «невозможным выводить всю культурно-историческую жизнь как следствие из одних производственных отношений», а потому признавал «самостоятельность психического фактора исторического развития». Для подтверждения своей мысли он неудачно сослался на Фюстель-де-Куланжа, как известно, выводившего формы социального быта греков и римлян из их религиозных верований. Вернее была мысль, что понятия развиваются самостоятельно, по своим собственным законам. Впрочем, Гольцева интересовал больше не общий теоретический вопрос, а применение теории к русской действительности. Нужно прибавить, что статья Гольцева была, по определению самого автора, «попыткой беспристрастно разобраться в споре», для чего он считал нужным «войти в дух этой теории, постараться понять в существенном и главном, по мере возможности устраняя неизбежные крайности и ошибки ее отдельных защитников». В конце статьи автор даже выражал уверенность, что его единомышленники и марксисты пойдут в будущем «рука об руку в развитии личного и общественного самосознания»[12]. Вследствие того же беспристрастия Гольцев дал место в своем журнале [1896, № 9] статье С. Ушакова [Плеханова] «Несколько слов в защиту экономического материализма»[13] и ограничился (см. «Не в очередь» в той же книжке) такими замечаниями, как то, что «возражения Ушакова для него неубедительны», что вопреки убеждению Ушакова «социология, в сущности, еще не создана» и что пусть даже называемое надстройкой «будет надстройка, но в ней и лежит главный смысл человеческого существования»[14].

В ряду полемистов против экономического материализма выступал также и В. М. Чернов, о котором как о стороннике этико-социологической школы речь шла уже выше. В первом упоминавшемся сборнике его этю-

дов мы находим следующие его статьи, относящиеся к марксизму: 1) «Марксизм и трансцендентальная философия», 2) «Экономический материализм под защитой критического реализма», 3) «От марксизма к пантеизму», 4) «Новые споры об экономическом материализме», 5) «Динамическая социология перед судом марксизма» и 6) «Идеализм в марксизме», а также отчасти 7) статья «Монистическая точка зрения в психологии и в социологии». Во втором сборнике Чернова имеют отношение к нашему предмету небольшая статья о Марксе и пять статеек под общим заглавием «К теории классовой борьбы», последняя из которых называется «Борьба классов как факт и как гипотеза». Статья о Марксе по поводу двадцатой годовщины со дня его смерти (1903) может быть ради ее тона названа восторженной. Экономическую теорию Маркса Чернов назвал здесь «оружием, которым социализм проникает в сокровенные глубины современного народно-хозяйственного механизма, озаряя их ярким светом знания». Но вместе с этим автор находил, что есть области, «которых творческая сила марксовского ума едва коснулась или коснулась лишь односторонне». К числу этих областей он отнес, во-первых, «верхние этажи социальной науки, философию обществоведения», во-вторых, «научную революционную этику» и, в-третьих, «общефилософские и теоретико-познавательные посылки» всей системы. Касаясь здесь лишь первого пункта, отметим, что, по Чернову, Маркс дал, правда, немало отдельных экскурсий из области экономии в область общей социологии и даже «пытался сформулировать несколько общих положений социологической науки, имеющих целью охватить всю совокупность сторон и элементов многосложной социальной жизни», но все-таки в этой области Маркс не оставил «труда, равного по своему значению произведенной им работе в сфере экономии». «Мало того, — далее говорит Чернов, — социологические воззрения Маркса были из-

ложены им в формулировках, чисто односторонних, давших множество поводов к недоразумениям», и с историософией учителя случилось то, что часто бывает в такого рода случаях, когда «случайные пробелы учителя реже исправляются и пополняются, чем возводятся в принцип ревностными учениками». На это заявление Чернова и следует смотреть как на исходный пункт его отношения к позднейшей социологии марксистов. Впрочем, особенно Чернов обращал вообще внимание не [столько] на социологические, по его мнению, недочеты их учения, сколько на «метафизические блуждания ортодоксов и отщепенцев марксизма», ввиду каковых блужданий он даже смотрел на первый сборник как на попытку, во-первых, доказать всю несостоятельность мифа о стройной теории марксизма, а во-вторых, противопоставить ему «философские основы синтетического социально-революционного миросозерцания, органически объединяющего строгий теоретический реализм с действенным, активным практическим идеализмом».

Нужно иметь в виду, что в 1906 г., когда Чернов писал эти слова в предисловии к первому сборнику, среди русских марксистов действительно существовал «полнейший теоретический разброд», и совершалось блуждание между «всеми возможными философскими школами, вплоть до эмпириокритицизма», на который опирался сам Чернов в своей полемике и против которого, наоборот, выступал Ленин. Одним словом, Чернов боролся преимущественно с философией, а не с социологией марксизма, с диалектическим материализмом, а не с экономическим материализмом: если первому он противопоставлял эмпириокритицизм, то второму противополагал идеи русской этико-социологической школы. И в полемике Чернова преобладала философская сторона, как мы это видим в разборе идей Струве, старавшегося «подвести под свои социологические взгляды прочный фундамент философии

Канта», в возражениях Г. Гвоздеву, автору статьи «К вопросу о телеологичности исторического процесса», особенно же в статьях, обозначенных выше под № 1 и 3 (в последней полемике с Бердяевым).

Ближайшее отношение к социологии имеют статьи Чернова о «новых способах» по его поводу и о теории классовой борьбы. В первой он находил, что сторонники экономического материализма ко времени написания статьи все более и более отступали от первоначальной, резко выраженной формы, все более и более выдвигали активную роль надстроек в историческом процессе, их влияние друг на друга и даже на экономический базис[15]. И в данном отношении Чернов подчеркивал разногласия экономических материалистов, отмечая трудность отличения «настоящих» от «ненастоящих». Собственный взгляд Чернова заключается в том, что не следует противопоставлять материалистическое понимание истории идеалистическому, ибо «оба элемента слиты в одном нераздельном процессе истории». Проповедуя «примирение обеих точек зрения», он понял [его] не в смысле размежевания между ними разных социальных явлений, а в их «слитии в одно целое, как в органической жизни человека слита механическая деятельность мозга и сознательная работа мысли и чувства». История, по его определению, является одновременно и процессом, совершающимся по механическому закону, и стремлением, осуществляемым «по закону идеала», — формулировка совсем в духе субъективной школы Уорда. Защищая себя от возможного обвинения в дуализме, Чернов указывал на то, что в его взгляде нет двойственности особых начал, а есть только двойственность в направлениях исследования, требуя вместе с тем «безжалостного устранения из области социологии всех этих фундаментов и надстроек» и «различая экономику от идеологии в истории с далеко не полным отвлечением, поскольку экономическое само есть в значительной

мере психическое». Если бы мы, говоря словами Чернова, захотели «найти первоначало социального движения, фактор, на который в последнем счете можно свести все историческое движение», то пришлось бы искать «такой элемент, который для самого социального движения был бы внешним» (внеисторическим, или надисторическим), как то мы видим у метафизиков или у М. Ковалевского, который видел «основной и первичный стимул социального развития в росте населения». (В статье о монистической точке зрения в психологии и социологии Чернов прямо проводил мысль о «неудаче всех попыток свести весь исторический процесс в последнем счете к развитию какого-либо одного из элементов общественной жизни».)

Таким же критическим, даже полемическим является отношение Чернова к теории классовой борьбы. «Не нужно быть, — говорит он в другой статье, — экономическим материалистом или даже просто социологом научно-реалистического направления, достаточно быть просто зрячим человеком, чтобы увидеть: да, существуют и существовали различные классы; да, эти классы боролись и борются друг с другом. В этом смысле можно сказать, что все стоят на точке зрения классовой борьбы как факта». Другое дело, «поднять классовую борьбу с уровня простого факта на уровень центральной идеи научной исторической гипотезы или теории». Тут прежде всего нужно «выяснить точно самое понятие класса, сформулировать точно принцип деления общества на классы и определить взаимные отношения между борьбой классов и другими сопредельными понятиями», а тут еще, утверждает Чернов, вопрос остается крайне неразработанным, полным разногласий и противоречий, причем он резко полемизировал, между прочим, с Плехановым, противопоставляя ему не кого иного, как Маркса с его более сложным и глубоким пониманием. Именно он различает здесь у Маркса более широкое, политико-экономиче-

ское, и более узкое, социологическое, или историко-философское, понимание классов, чего нет у Плеханова и др. Общий же вывод Чернова тот, что классы и классовая борьба являются «чрезвычайно сложным историческим образованием, а далеко не элементарным, явлением достаточно частным, а не общим».

Принадлежность Чернова к субъективистской школе социологии сказалась на следующих словах его, сильно напоминающих идеи и самые выражения Лаврова: явление классов «предполагает сравнительно высокую степень сознания, умения подчинять аффекты и привычки расчету и даже в самом расчете — умение подчинить ближайшие и непосредственные интересы интересам идеальным и будущим», равно как наличность интенсивного альтруистического момента, хотя бы действие его и ограничивалось узкой гранью одного общественного слоя, выражаясь в «так называемой солидарности». Если бы до знакомства со статьей Чернова меня спросили, чьи это слова, я не задумавшись приписал бы их Лаврову. Тем не менее он назвал целым переворотом в исторической науке «признание в классовой борьбе основного содержания и вместе главной, если не существенной причины событий, обращение на них соответственного внимания и выдвижение их на первый план в историческом исследовании». В «Исторической справке» о возникновении этой идеи он также полемизирует с Плехановым.

Общая тенденция социологии Чернова, каковую социологию он, однако, не дал нам в систематическом и полном изложении, может быть определена как попытка примирить исторический материализм, экономизм и идеализм, психологизм, как мы это видели из собственного его заявления. Так определяет общее значение Чернова и американский историк русской социологии Геккер, прямо называя это попыткой синтеза русских субъективистов с марксистскими экономическими идеями. Между прочим, Чернов отнесся

весьма сочувственно к аналогичной попытке Жореса «перекинуть мост от экономического материализма к телеологической теории Уорда». Прибавлю, что к попытке примирения между двумя точками зрения у Николаева, который делает это путем размежевания, Чернов относится отрицательно. В заключение следует отметить еще, что он отстаивал самостоятельность психологизма в социологии тем соображением, что «основные, первичные силы психической организации вынесены человеком еще из периода доисторической, животной борьбы за существование», а потому, по его убеждению, «социолог должен принять их (эти силы) за данное и сделать исходным пунктом своих рассуждений», — опять чисто лавровская тема.

Из истории полемики последнего десятилетия прошлого века отмечу еще статью Каменского [Плеханова] «Материалистическое понимание истории» [Новое слово. — 1897. — № 9], энергично восставшего против наименования теории Маркса и Энгельса экономическим, а не диалектическим материализмом и даже находившего, что термином, против которого он возражает, скорее можно охарактеризовать «взгляд Михайловского и К°». Он даже восставал против теории экономического материализма, видя в ней что-то резко отличающееся от марксизма, и обвинял в ее непонимании всех, кто смешивал «материалистическое понимание истории с экономическим материализмом». Этот своеобразный взгляд нашел критика в лице П. Нежданова, посвятившего в своей книге «Нравственность» (1898) особую статью доказательству того, что теория Маркса «в ее истинном виде есть именно теория экономического материализма»[16].

В числе критиков книг Плеханова и Струве выступил и автор настоящей книги, вызванный к тому не только тем, что труд первого из названных писателей был направлен и против него, хотя в самом этом труде специально его взгляды и не разбирались. Дело в том,

что еще до начала пропаганды у нас экономического материализма пишущий эти строки, не удовлетворенный, если не исключительно, то преимущественно психологическим объяснением исторического процесса, заинтересовался экономической его стороной, результатом чего был ряд статей: «Политическая экономия и теория исторического процесса» («Историческое обозрение», 1891, № 3), «Экономическое направление в истории» («Юридический вестник», 1891), «По поводу новой формулировки материальной истории» и «Заметки об экономическом направлении в истории» (обе в «Историческом обозрении», 1892), «Источники исторических перемен» («Русское богатство», 1892), «Новая попытка экономического обоснования истории» («Русское богатство», 1894, № 1) и «Экономический материализм в истории» («Вестник Европы», 1894, № 7—9). Последняя статья была перепечатана в изданном в 1895 г. сборнике «Историко-философские и социологические этюды» [2-е изд. — 1899]. Вот в это-то время и вышли в свет книги Плеханова и Струве, что и послужило для автора названных статей поводом переработать их и дополнить новым материалом, между прочим, обзором возражений, сделанных Плехановым и Струве в наших журналах, и издать целую книгу под заглавием «Старые и новые этюды об экономическом материализме» (СПб., 1896; [2-е изд. — 1913], с сокращениями и под заглавием «Критика экономического материализма»). Старые этюды — это были названные выше статьи 1891—1895 гг. не об одном экономическом материализме, но и таких представителях экономического направления в истории, как Роджерс, Лакомб, Лориа и др., новыми эпизодами являлись написанные специально для книги, между прочим, о работах Плеханова, Струве, Туган-Барановского и об их критиках. В книге была изложена история экономического материализма до момента написания книги, когда в Германии уже были

некоторые попытки сторонников этой теории внести в нее поправки и дополнения, но Э. Бернштейн еще не выступил со своей «ревизией». В заключительной статье книги были подведены общие итоги и под этой историей, и под полемикой, только что происходившей в нашей журналистике. Здесь также отмечалось, что основной тезис теории был высказан совершенно догматически, что сама теория осталась крайне неразработанной, что ее последователи совершенно игнорировали всю социологическую литературу от Конта до новейших ее произведений, что попытки дать этому учению дальнейшее развитие приводили только к его подрыву. Но, с другой стороны, за экономическим материализмом были признаны и заслуги в том отношении, что он поставил важный вопрос о значении экономического фактора в истории эволюции. Не отвергая его целиком, а только признавая его односторонность, «Старые и новые этюды», однако, придавали экономическому материализму значение одного из основных направлений социологии, притом имеющего гораздо более серьезные права, чем оба направления биологического характера, дарвинистическое и органистическое, как берущего за исходный пункт явление чисто социального порядка. Сделано это было автором «Этюдов» в другой, почти одновременно с ними вышедшей книге под заглавием «Введение в изучение социологии» (1897). В этом методологическом трактате этому направлению была посвящена особая глава, в которой была высказана такая мысль: в развитии социологии «появление экономического материализма должно считаться существенно важным моментом, поскольку им в социологию вносится новая точка зрения, служащая законным дополнением к другим точкам зрения, в ней существующим. В экономическом материализме есть своя доля истины, а в некоторых случаях он может служить полезным противовесом против одностороннего психологизма в социологии». В другом месте оп-

равдывались нападки экономических материалистов на психологическое направление, в тех случаях особенно, когда оно объясняло социальные явления из данных индивидуальной психологии, понимаемой притом преимущественно в интеллектуалистическом смысле. Экономические материалисты всегда, по мнению автора, недостаточно учитывали, что без коллективной психологии, изучающей психическое взаимодействие, особенно в его волевых проявлениях, социология не может обойтись в изучении и чисто экономических явлений. За этими двумя книгами следовали еще и статьи «Экономический материализм и закономерность социальных явлений» [Вопр. философии и психологии. — 1897. — Кн. 36] и «Поворот экономического материализма к субъективной социологии» [Рус. ведомости. — 1901. — № 3].

Кроме того, автору принадлежала еще большая статья об экономическом материализме в 79-м полутоме «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, вышедшем уже через много лет (1904) после выступления представителей этого учения в русской литературе. В ней оно оценивалось как «реакция против прежде господствовавшего, чисто интеллектуалистического понимания исторического процесса», заставившая «отказаться от исключительно интеллектуалистического объяснения истории»[17].

VII. В полемике с народниками рядом со Струве выступал и в печати, особенно же в публичных заседаниях ученых обществ и пользовался в них большой популярностью его тогда единомышленник и друг Михаил Иванович Туган-Барановский [1865—1919], как и Струве, экономист. В 1894 г. он получил ученую степень магистра за диссертацию «Промышленные кризисы в современной Англии», а в 1895 г. сделался приват-доцентом Петербургского университета, где и

начал свое преподавание вступительной лекцией «Значение экономического фактора в истории», под каковым заглавием она и была напечатана в последней книжке журнала «Мир Божий» за 1895 г. В этой статье Туган-Барановский заявил себя сторонником экономического материализма, между прочим, потому, что «попытки экономического объяснения истории в том случае, когда они делались умело и с нужным знанием исторических факторов, открывали новые и неожиданные исторические перспективы», в этом он и усматривал «лучшее доказательство научной состоятельности» принятой им доктрины. Другого, более теоретического, принципиального обоснования главного положения он здесь не приводил. Не сделал он этого и в ответе своим оппонентам под заглавием «Экономический фактор и идеи» [Мир Божий. — 1896. — № 4—5], где более возражал критикам (главным образом Михайловскому), неверно его понимавшим, чем обосновывал основную свою идею.

Бывшие соратники в полемике против прежней социологии, Струве и Туган-Барановский оказались только временными марксистами. Издавая в свет сборник своих статей «На разные темы» [СПб.: Тип. А. Е. Колпинского, 1902], Струве заявил, что правоверный марксизм перестал «всецело определять и окрашивать его миросозерцание», потому что к этому его привела критика, от права на которую он не может отказаться, хотя бы ему предстояло подвергаться обвинению в неустойчивости. Аналогичное заявление сделал и Туган-Барановский в «Очерках из истории новейшей политической экономии», печатавшихся в «Мире Божием» за 1902 г. и вышедших отдельной книгой в 1903 г. «Не бывши никогда», заявлял здесь Туган-Барановский, «правоверным участником Маркса, но еще недавно чувствовав себя гораздо ближе к марксистам, чем в данный момент», он мало-помалу пришел к «пол-

ному разрыву с ортодоксальным марксизмом», считая, что последний сделал свое дело и «никакой будущности не имеет». Поэтому величайшей задачей социальной мысли в будущем Туган-Барановский объявлял «критическое преодоление марксизма» для «создания новой социальной системы, в которую войдет много элементов марксизма, но в переработанном, очищенном и преобразованном виде». И Струве, и Туган-Барановский считали свой прежний «легальный» марксизм «ортодоксальным», с чем, разумеется, никак не соглашались действительно правоверные последователи Маркса, полемизировавшие против представителей «легального марксизма»[18].

Отходя от экономического материализма, оба сами бывших марксиста ошибочно, как показала история, полагали, что у этого учения нет никакого будущего. Отход обоих от марксизма одинаково принял направление к идеализму. Но они не были в этом отношении одни. То «критическое преодоление марксизма», о необходимости которого говорит Туган-Барановский в 1902 г., было предпринято им самим в «Мире Божием», выпустившем относившиеся к этому статьи отдельной книгой «Теоретические основы марксизма» [СПб.: Ред. журн. «Мир Божий», 1905]. Этот труд Туган-Барановского «не преследовал, — по заявлению самого автора, — цели простой полемики»: критикуя Маркса, он «стремился придать своей критике не только отрицательный, но и положительный характер», направляя ее не против его «социальных идеалов», но высказываясь только против «данного им обоснования этих идеалов» с конечной целью «лишь содействовать их лучшему и более прочному обоснованию». Первая часть этой книги была посвящена критике материалистического понимания истории. Начав критику с учения о производительных силах, Туган-Барановский указывал прежде всего на то, что у Маркса этот термин употреблялся в различных и даже противоречивых значениях, откуда забота критика — установить правильное понимание этого термина и затем уже дать его оценку. Неясным он находил равным образом и учение Маркса о классах, считая нужным и здесь произвести такую же работу. А затем ставился вопрос, правильно ли утверждение Маркса, что учения о производительных силах и о классовой борьбе составляют одно неразрывное целое. Не соглашаясь с экономическим материализмом по всем трем пунктам, Туган-Барановский, однако, не находил нужным его отбросить как «одностороннюю и ошибочную историко-философскую систему», а только признавал необходимым подвергнуть его «некоторой реконструкции», после чего он и «мог бы стать вполне пригодным орудием научных исследований». Основную ошибку, или, как он выразился, «ложь исторического материализма», он усмотрел в неправильном понимании хозяйства как деятельности, служащей исключительно потребности самосохранения, и в разделении общественных потребностей на хозяйственные и нехозяйственные. Не соглашался критик и с пониманием в марксизме отношения между бытием и сознанием, находя, что «общественное бытие есть не только причина, но и продукт сознания». Поэтому то и дело он должен был по- и дополнять теорию Маркса ссылками на других социологов. Особенно много распространялся Туган-Барановский о классовой борьбе, остановившись, между прочим, на отношении марксизма к духовной культуре, этой идеологической надстройке на экономическом базисе. «По отношению, — читаем мы в книге, — к высшим областям духовной деятельности человека — науке, философии, искусству, морали, религии — недостаточность теории классовых интересов очевидна. Научное и философское познание следует своим собственным логическим законам, не имеющим

ничего общего с интересами классов». В том же смысле Туган-Барановский высказался и о религии, морали и искусстве: «Классовый интерес не составляет критерия добра, истины и красоты». И среди социальных движений он различал такие, которые «носят резко классовый характер», и такие, «где последний выражен слабо». Так далеко Туган-Барановский середины первого десятилетия XX в. отошел от Туган-Барановского середины последнего десятилетия XIX в. То же отрицательное отношение он распространил и на Марксову теорию ценности и даже в одном месте выразился так: «Марксизм, конечно, гениален... но, достигая пределов глубины понимания, он достигал и глубины логической безвкусицы, от которой так пострадало его великое творение».

К временным марксистам, повернувшим в сторону идеализма, нужно причислить еще философа Бердяева и экономиста Булгакова.

Николай Александрович Бердяев [1874—1948] выступил впервые в 1900 г. в книге «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», бывшей критикой социологии Михайловского с точки зрения экономического материализма и новокантианства в познавательном отношении. Но этот экономический материализм в его миросозерцании был именно чисто временным и далеко не ортодоксальным, поскольку он пытался в марксизме пополнить его пробелы, не замеченные, по его мнению, правоверными последователями этого учения. Еще в статье «Борьба за идеализм» [Мир Божий. — 1901. — № 6] он признавал за этим учением важное значение для социологии, но постепенно всякое влияние марксизма на Бердяева исчезло и заменилось влиянием религиозной философии Владимира Соловьева. Сергей Николаевич Булгаков [1871—1944] в девяностых годах прошлого столетия написал несколько статей экономического содержания,

в 1901 г. защитил магистерскую диссертацию «Капитализм и земледелие» и был потом профессором политической экономии в Киевском политехническом институте и приват-доцентом в Москве. В чем заключался марксизм Булгакова и как от него он ушел в идеализм, представил собой сборник его статей с характерным названием «От марксизма к идеализму». Позднейшие его труды («Два града. Исследование о природе общественных идеалов», 1911, и «Философия хозяйства», 1912) уже отражали на себе влияние философии В. Соловьева[19].

Почти одновременное появление в печати сборников «На разные темы» Струве, «От марксизма к идеализму» и уже отмечавшихся выше «Проблем идеализма» — очень характерный факт в умственной жизни России первых годов теперешнего века, указывавший на совершившийся в известной части нашего общества поворот к идеализму, относившийся одинаково отрицательно и к позитивизму, и к экономическому материализму. В третьем из названных сборников рядом со статьями Бердяева и Булгакова, а также критиков русской социологии Новгородцева и Кистяковского была помещена статья юриста-философа Е. Н. Трубецкого «К характеристике учения Маркса и Энгельса о значении идей в истории», в которой, между прочим, автор указывал на «неясность основных положений экономического материализма» и ссылался на то, что известный критик этой теории Штаммлер и виднейший его представитель Каутский сошлись во взгляде на него как на миросозерцание, не вполне сложившееся, находящееся еще только в начальной фазе своего развития. Это мнение оказалось более верным, чем мнение Туган-Барановского, думавшего, что это учение было отжившим.

К марксистским писателям этого периода принадлежал еще А. Богданов, философ-экономист[20], начав-

ший работать в марксистском направлении, но вызвавший своим «Эмпириомонизмом» резкую критику Плеханова и только что начавшего писать Ленина[21]. Его «Краткий курс экономической науки», благодаря своей общепонятности, получил у нас широкое распространение, вследствие чего в короткое время выдержал несколько изданий. В сущности, это было популярное изложение общественного развития по эпохам, начиная от первобытного коммунизма до социализма, причем каждая эпоха характеризовалась как со стороны ее техники и форм производства и распределения, так и со стороны психологии общества и заключающихся в нем сил дальнейшего развития. Марксистский характер книги был тоже одной из причин ее большой распространенности даже в рабочих кругах, не говоря уже об учащейся молодежи, но более серьезного научного значения она не имела. К Богданову правоверные марксисты отнеслись отрицательно, как к писателю, для которого общество есть система психических взаимодействий и словно не существует природы в качестве объекта человеческого воздействия. Богданов действительно отвергал самую основную посылку экономического материализма, относя к сфере производительного труда не только труд, создающий материальные ценности, но и труд умственный и даже политическую деятельность. В упрек ему было поставлено и то, что даже в технике он видел не вещи, а умение людей известным образом работать. Богданов представлял собой пример тех марксистов, которые, приняв основы учения, его изменяли, отступая от отдельных его пунктов, что заставляло правоверных учеников бороться с ними как с вредными людьми. Богданов в конце концов отринул Марксову теорию ценности, стал объяснять существование общественных классов не отношением их к средствам производства, а к организационному опыту, признал за идеологией

значение организующих форм всей общественной деятельности и ждал осуществления социализма не от революции, а от овладения всеобщей организационной наукой. Весьма естественно, что критики Богданова усмотрели поэтому в его теории «психологизацию марксизма».

VIII. В своих работах об экономическом материализме автор настоящей книги указывал, как мы видели, на то, что экономический материализм должен войти в общий социологический синтез: социологический психологизм был тезисом, исторический материализм явился антитезисом, и должен еще произойти синтез. В этом смысле высказались еще некоторые авторы. Попытку такого синтеза, правда чисто механического, сделал у нас бывший каракозовец Петр Федорович Николаев [1845—1910], написавший в «Русской мысли» статью «Одна из гипотез о сущности исторического процесса», включенную им потом в его книгу «Активный прогресс и исторический материализм» [М.: К. Т. Солдатенков, 1892]. Другую часть этой книги составляло изложение «Динамической социологии» Лестера Уорда, впервые знакомившее русских читателей с данным трудом американского социолога*. Свою задачу по отношению к историологической теории Маркса Николаев определил словами: «изложить развитие, которому может подлежать гипотеза экономического материализма», основания которого он находил крайне неразработанными, а соответственную литературу — очень бедной. Он даже особенно напирал на то, что эта гипотеза даже мало известна в науке, не то, что можно сказать, например, о дарвинизме. Защищая экономический материализм, оправдывая его основное положение, Николаев, однако, нашел нуж-

* П. Николаев вел даже личную переписку с Л. Уордом на предмет уточнения ряда его теоретических положений.

ным внести в него идеальность. Раз, по его мнению, «интеллектуальные следствия экономической основы выделяются из нее и ведут до значительной степени самостоятельное существование», то эти следствия и «делаются сами важными историческими факторами». Маркс и Энгельс, по предположению автора, «не успели или не сумели сделать такого вывода». Мысль Николаева в том именно и состояла, что из экономического фундамента выделялись политическая и интеллектуальная надстройки, все более делавшиеся сильнее и самостоятельнее. Он чувствовал, однако, что это его рассуждение подрывает саму основу гипотезы, и думал отделаться от упрека в непоследовательности тем, что «в таком диалектическом, вечно текущем процессе, как исторический, основа может изменяться». Это выделение интеллектуального элемента и позволило Николаеву включить в свое понимание и роль личности в истории, воплощающей в себе этот интеллектуальный элемент. Мало того, он настаивал еще на том, что экономический материализм «должен признать роль личности в историческом процессе растущей силой», и указывал на психологию как на науку, которой надлежит выяснить вопрос о роли личности в общественной жизни. Вот в этом-то пункте Николаев и сочетал в одно целое экономический материализм Маркса и Энгельса с активным прогрессом по учению Уорда. По существу дела, Николаевым предлагался синтез экономического материализма с идеями русского этико-социологического направления. Высказался в таком же смысле еще В. Чернов в статье «Типы психического и социального монизма» [Рус. богатство. — 1899. — № 1], так как, аргументировал он, в действительности материальный и идеалистический элементы слиты в одном нераздельном процессе развития, который совершается и по механическому закону, и в силу закона идеала. Это «примирение» экономического материализма и исторического идеализма

Чернов, однако, отнюдь не хотел понимать в смысле «отмежевания» одной от другой двух областей с двумя различными процессами: «Материалистическое воззрение, — пояснял он свою мысль, — нельзя поставить по одну сторону перегородки, а идеалистическое — по другую: их примирение должно заключаться в слитии в одно целое подобно тому, как в органической жизни человека слиты механическая деятельность мозга и сознательная работа мысли и чувства».

Такую же попытку, как Николаев, двумя десятилетиями позже сделал по отношению к учению Уорда молодой юрист А. М. Гвирцман в книге «Социология Уорда и ее отношение к социологическим построениям Маркса» [СПб.: Тип. СПб. акц. общ. «Свобода», 1913]. Книга, написанная запутанно и шероховато, обнаруживала недостаточное знакомство ее автора с прошлым социологии, но тема была логически разработана недурно. Хотя, говорил Гвирцман, социологические взгляды «разбросаны у Маркса отдельными мыслями по разным местам и не были никогда им теоретически доказываемы, ни эмпирически обосновываемы», но все-таки Маркс создал цельную формулу объективного развития, которую Уорд дополнил учением о планомерном воздействии человека и о социальных силах психической природы, явно конструктивное учение, о котором отсутствует у Маркса и его преемников. Эту свою попытку синтеза экономического материализма и социологического психологизма автор сделал, впрочем, довольно робко.

IX. В заключение этой главы остановимся на мнениях об экономическом материализме некоторых русских социологов и историков, именно из тех, о которых речь у нас уже шла выше. Из социологов мы берем Ковалевского, Гальперина и Хвостова[22], из историков — Рожкова и Петрушевского.

Как никто, пожалуй, из всех русских социологов особенно чтивший Конта, Ковалевский не преминул отметить, что родоначальники экономического материализма не испытали на себе влияния положительной философии. Далее он не обособлял Маркса и Энгельса резко в особую группу, во-первых, делая рядом с ними первым провозвестником данной идеи Лоренца Штейна, а во-вторых, деля все направление на три отдела, из которых один заключал в себе Лоренца Штейна и Гнейста, другой — Маркса и Энгельса, третий — Лориа, и, в-третьих, признавая родственными этой большой школе экономического материализма «Дюркгейма, Зиммеля и Бугле». Всем этим он как бы умалял оригинальность учения Маркса. А главное — это то, что, по убеждению Ковалевского, «все стороны общественной жизни так тесно влияют друг на друга, что нет никакой возможности признавать первенство ни за одной из них». Отсюда он делал тот вывод, что экономические материалисты повинны в односторонности и упускают из виду, что техника есть прикладное знание, что она развивается в прямой зависимости от вытеснения религии и магии точной наукой и что, таким образом, спор о том, влияют ли изменения в экономике на прогресс умственный или наоборот, — не более как спор о словах. Любопытно и то, что в обзоре социологических систем у Ковалевского эта школа не значилась.

В своем месте у нас уже шла речь о книге Гальперина «Современные социологи» (1903). В ней есть целый критический обзор экономического материализма, включивший в себя и сведения о происходившей у нас по его поводу полемике. Между прочим, здесь же автор дал интересный обзор прений, происходивших об экономическом материализме на съезде Международного института социологии в Париже во время Всемирной выставки 1900 г. Об этом предмете нигде

более на русском языке сказано не было. Совершенно в согласии с тем, что говорилось в русской литературе, на съезде указывалось на полное отсутствие такого труда, где систематически была бы изложена марксистская социология, и вместе с тем была высказана мысль, что эта доктрина не имеет права претендовать на исключительное значение в социологии, будучи лишь особой исторической точкой зрения, методом изыскания, по Келлес-Краузу, с чем согласился и сам Гальперин.

В книге В. М. Хвостова «Теория исторического процесса» [М.: Г. Леман и Плетнев, 1914] тоже был параграф, посвященный экономическому материализму как одной из попыток упростить разнообразие факторов исторического процесса и свести его к единству. Не отрицая важного значения экономических отношений для всего хода истории, признавая, что явления экономических отношений отражаются на всех областях социальной жизни не только в области права, но даже в области философии и искусства, Хвостов, тем не менее, возражал против склонности последователей данного направления отрицать самостоятельное значение за развитием человеческой мысли и чувства. Не находя оснований для сведения всего социального содержания жизни к одной только стороне, он подчеркивал, что «удовлетворение материальных потребностей составляет лишь отрицательное условие, без которого немыслимо существование человека, но вовсе не причину, определяющую ход и направление этого развития», и что потому идейное развитие, развитие мысли и чувства, идет независимо «от способов удовлетворения материальных потребностей». Люди заботятся не только о поддержании своего физического состояния, но и о познании окружающего мира и самих себя, независимо от всяких материальных расчетов. Хвостов, однако, был согласен с тем, что в

каждом историческом явлении при внимательном анализе можно найти и экономическую сторону, но из этого для него не вытекало, чтобы экономика являлась единственным основным и самостоятельным фактором.

Мы уже видели, что в числе немногих историков, придававших значение социологии, был Рожков, пришедший притом к мысли об изучении экономической истории как очередной задаче науки. Теперь следует дополнить [это] изложением его отношения к экономическому материализму в самом конце прошлого века, когда была им написана статья «Успехи современной социологии в соотношении с историей» [Образование. — 1898. — № 12], в которой Рожков указывал на то, что это учение еще находится в периоде развития, не представляет еще цельной и законченной системы, что «поэтому между его приверженцами существуют немаловажные разногласия» и что «в последнее время среди марксистов заметна некоторая реакция» против основной идеи этого учения. Особенно важным считал Рожков то, что «в исторических работах нет достаточного практического оправдания теории», да и в удачных случаях экономического объяснения исторических фактов он усматривал только «свидетельства о важности экономического фактора в частных явлениях». Тем не менее Рожков высказывал надежду, что «марксизм должен еще развиться в будущем», но при этом он полагал, что у марксизма есть «еще одна сторона, подкрепляющая свежую струю в понимании психологического процесса, который совершается в истории», имея в виду не психологию отдельной личности, а коллективную, социальную. Впоследствие Рожков определился как историк-марксист.

Что касается другого русского историка, на которого смотрели как на сторонника исключительно экономического направления в истории, именно Милюкова, то взгляд свой на экономический материализм он

высказал в начале второй части «Очерков по истории русской культуры». Заявляя, что в социологии должен господствовать монизм, он оговаривался, однако, что он не должен сводиться к одному «экономическому фактору», ибо «явления человеческой экономики происходят в той же психической среде, как и все другие явления общественности». Отношения человека к окружающей среде не ограничиваются одной только экономической потребностью. Только за пределами социологического объяснения открывается возможность свести «материальное» и «психическое» к высшему единству, т. е. дать то или иное философское объяснение.

Неоднократно по вопросу об экономическом материализме высказывался и Петрушевский, которого за его, можно сказать, исключительно социально-экономический интерес к истории многие готовы были признавать сторонником этой теории. Вступая на кафедру истории в Варшавском университете, когда еще не улеглась полемика 1895 и следующих годов, он в первой своей лекции, напечатанной в «Образовании» [1898. — № 2] под заглавием «О задаче всеобщей истории как науки», коснулся «спора между историческим идеализмом и историческим, или экономическим, материализмом». На этот спор здесь он взглянул «не более как на спор между двумя и с этой точки зрения метафизическими системами так называемой философии истории, в одинаковой степени ненаучными, не основывающимися на строгом и всестороннем изучении фактов». «Мы здесь имеем дело, — говорил он, — с обломками старых, отживших свой век мировоззрений, постепенно отступивших в глубь истории перед новым научным направлением». Если вообще Петрушевский доказывал, что в первую очередь нужно изучать социальную, а не духовную сторону истории, как более доступную научному учету, то вовсе не думая этим утверждать вопрос о приоритете экономических явлений в самой жизни: материальная и

идейная история являлись равноправными ветвями единой исторической науки.

В разногласии идеалистического и материалистического направлений исторической науки Петрушевский занял, так сказать, нейтральную позицию, хотя и объявил, что второе является значительным шагом вперед по сравнению с первым. Требуя от исторической науки, чтобы она была чужда всякого догматизма, он имел что сказать против обеих теорий. В частности, научный грех исторического материализма он увидел «в чисто метафизическом стремлении свести к одному началу все разнообразие общественных явлений в их историческом развитии», причем «хотя экономия данной эпохи скромно зовется реальным базисом, но в сущности она — такое же творящее начало, как и идея» в противоположном понимании истории. Тем не менее Петрушевский отдал предпочтение историческому материализму как объяснению более простому и понятному и вместе с тем выдвинувшему на первый план такие вопросы исторического процесса, которые чрезвычайно важны, но раньше не привлекали к себе надлежащего внимания историков. Мало того, он приписал еще историческому материализму и ту заслугу, что будто бы только он «свел идею с неба», чтобы «видеть в ней продукт общественного процесса», и тем лишил идею «чисто мистической роли простого и творческого абсолюта». Если, таким образом, Петрушевский устанавливал, что «строго научное, истинно социологическое понимание общественного процесса в одинаковой мере далеко от обеих крайностей», то, с другой стороны, он объявлял «здоровой, неумирающей стороной марксистского движения» и «крупной заслугой „экономического материализма“ привлечение к историческому исследованию с чисто социологическими целями материальной стороны исторического процесса и постановку проблемы о генезисе идей как продукта общественного процесса, попытку перевести идеи на язык хозяйственных и социальных отношений, вскрыть

под идеями как под символами интересы составляющих общество социальных групп». Петрушевский даже назвал экономический материализм «настоящей социологической программой», «общей методологической программой», указывающей «путь к социологическому пониманию исторического процесса». Впрочем, тут же Петрушевский высказался мимоходом против тех представителей доктрины, которые, упрощая свое понимание, «нередко доходили до геркулесовых столбов самого наивного схематизма и догматизма»[23].

---

[1] Отмечаю и еще одну его работу «Право и экономия» во 2-м т. Собр. соч. (1900).

[2] [См.:] *Клейнборт Л.* Н. И. Зибер. [— М.: Книга, 1923].

[3] С терминами «народник», «народничество» было немало недоразумений в русской жизни и в русской публицистике. В более тесном и определенном смысле народничеством называлось в публицистике направление, представителями которого были И. И. Каблиц, писавший под псевдонимом Юзов (1848—1893), и В. П. Воронцов, подписывавшийся инициалами В. В. (1847—1918), хотя и очень различные между собой. Ни «Основы народничества» (1882) и другие работы первого, ни «Судьба капитализма в России» (1882) или «Наши направления» второго не имеют социологического интереса, хотя в них и высказываются некоторые общие взгляды на общественное развитие. Статья Каблица «Ум и чувство как факторы прогресса» в свое время (в семидесятых годах) даже пользовалась большим успехом, хотя в конце концов автор стал проповедовать недоверие и пренебрежение к интеллигенции. [См. о них: *Кольцов И.* Шатание политической мысли // Дело. — 1883. — № 3; *Гольцев В. А.* Об основных идеях нашего века // Рус. мысль. — 1893. — № 1; *Протопопов М.* Воинствующее народничество // Там же. — 1893. — № 10; *Михайловский Н. К.* Литература и жизнь // Рус. богатство. — 1893. — № 9; *Слонимский Л. З.* Наши теоретики народничества // Вестн. Европы. — 1893. — № 11.]

[4] Одно из таких бурных заседаний произошло в зиму с 1896 на 1897 г. и в Московском университетском обществе, где автор настоящей книги выступил с докладом об экономическом материализме. [Экономический материализм и закономерность социальных явлений // Вопр. философии и психологии. — 1897. — Кн. 36.]

5 За несколько месяцев до появления в свет этих книг вышла в нескольких десятках экземпляров (гектографированных) еще одна марксистская работа. Это была написанная В. И. Ульяновым (Лениным) первая его работа «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов». Она могла быть известной только самому ограниченному кругу тогдашних марксистов. Направление ее было резко антинародническое. Опубликование ее относится только к 1923 г. Эта статья является по времени первой проповедью марксизма в России.

6 Как о политическом деятеле о нем с социал-демократической точки зрения писали Л. Троцкий и А. Луначарский, как о социологе — Геккер.

7 Ср. *Ленин В. И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве (Избр. произведения. — М.: Соцэкгиз, 1926. — Т. 1).

8 Русской книге Струве предшествовала его немецкая статья «Zur Beurtheilung der Kapitalistischen Entvicklung Russlands» в «Sozial-Politisches Cenralblatt» [1893. — № 1. — 2 Okt.], бывшем органом правого крыла германской социал-демократии. Она вызвала возражения Даниельсона и Кривенко в «Русском богатстве» и Воронцова в «Неделе». Последний полемизировал со Струве и позднее («Немецкий социал-демократизм и русский буржуаизм» в «Неделе» за 1994 г., № 47—49).

9 По воспоминаниям Льва Тихомирова («Плеханов и его друзья», 1925), Плеханов, еще не зная теории Маркса, пришел к заключению, что человеческие отношения зиждятся на экономических основах, и даже полагал, что это его собственная самостоятельная идея, своего рода открытие.

10 Названная выше книга о Воронцове только меньшей своей частью касается экономического материализма. Рецензент «Русской мысли» [1896. — № 4] даже выразил неудовольствие по поводу слишком большой краткости изложения данной теории.

11 Под влиянием этих же толков в кружках молодежи написана была статья Ветринского [Чешихина В. Е] «Модная теория» [Новое слово. — 1894. — № 11], где, однако, Маркс не был назван, а обозначен был только как писатель, причисляемый к левому гегельянству и впервые высказавший гипотезу экономического материализма. См.: Письма марксистов к Н. К. Михайловскому [// Былое. — 1924. — № 23]. Ср. также: *Горев Б.* Михайловский и марксизм [// Под знаменем марксизма. — 1924. — № 1].

12 Гольцев, так же как и другие полемисты, отвел немало места практическому вопросу об экономическом развитии России, хотя

и находил, что оба вопроса далеко не связаны между собой неразрывно.

13 «Вы, — возражал С. Ушаков Гольцеву, — замечаете, что история сложнее, чем это думают экономические материалисты. Я отвечаю вам, теория экономического материализма вовсе не так узка, плоска и одностороння, как это думают ее противники».

14 Гольцев, кроме того, выступал иногда с отчетами из области историко-философской литературы. [См.: *Гольцев В. А.* Социология на экономической почве // Рус. мир. — 1893. — № 11; Он же. Рец. на кн.: *Фулье А.* Психология идей — сил // Вопр. философии и психологии. — 1894. — Кн. 24; Он же. Историческая эволюция и психологические законы // Рус. мир. — 1894. — № 7—10]

15 Например, марксист [К-Т. Ф.] в статье «Базис и надстройка [Экономический материализм]» в журнале «Жизнь» за 1899 г. [№ 1] местами как будто говорил словами Михайловского или пишущего эти строки.

16 Сам Нежданов в своей книге выступил противником экономического материализма. См. первую главу книги под заглавием «Нравственность перед судом экономического материализма», где особенно заметно некоторое влияние на него взглядов Лаврова и Михайловского. Автор взял за исходный пункт книгу Бельтова, т. е. Плеханова, а Лаврова всегда обозначает как «автора истории мысли».

17 Выступал еще против экономического материализма профессор-экономист В. Г. Яроцкий в статье «Односторонняя теория экономического развития» [// Новое слово. — 1896. — № 4], где проводил мысль о том, что исторический процесс состоит из процессов чисто стихийных и вполне сознательных, но главным образом опровергал взгляды марксистов касательно экономического развития.
Более полный список всего писавшегося против марксизма см. в 1-м томе «Сочинений» Ленина [2-е изд. — М., 1926. — С. 501—502].

18 См. книгу Плеханова «Критика наших критиков», где он выступил против Струве.

19 В период отхождения от марксизма между Булгаковым и Струве происходил философский спор на страницах «Вопросов философии и психологии» и в «Новом слове» за 1896 и 1897 гг. по вопросам необходимости, закономерности и свободы. Перепечатка их статей в сборниках первого «От марксизма к идеализму» и второго «На разные темы» в 1902 и 1903 гг. Отметим еще,

что против Бердяева и Струве на чисто философской почве вела полемику Л. Аксельрод в статьях, перепечатанных в ее «Философских очерках» (1906) и позднейших изданиях.

20 Его главные труды: «Основные моменты исторического взгляда на природу», 1899; «Из психологии общества», 1904; «Эмпириомонизм», 1904—1906; «Наука об общественном сознании», 1914; «Тектология», 1913, 1917, 1922.

21 См. ниже. Богданова критиковала Л. Аксельрод еще в 1904 г., исполняя обещание, данное Ленину. Еще С. Гонигманн [Теория общества и теория классов у Богданова // Под знаменем марксизма. — 1929. — № 12].

22 Выступал критиком марксизма еще Гредескул, о чем см. в последней главе.

23 В предыдущем изложении того, как встречен был в России экономический материализм в конце прошлого столетия, я далеко не имел в виду исчерпать всю тогдашнюю литературу и сознательно избегал таких несерьезных писателей, как К. Головин с его книгой «Мужик без прогресса или прогресс без мужика. (К вопросу об экономическом материализме)» (1896), или Б. Глинский, напавший в «Историческом вестнике» [1912. — № 2—12] на экономических материалистов за их непочтительность к людям шестидесятых годов, или еще И. Гофштеттер, автор «Доктрины капитализма» [СПб., 1895]. Отмечу еще, что уже в самом начале в этой полемике принимал участие и совсем еще молодой, начинающий тогда писатель В. И. Ленин, но тогдашние его статьи не могли получить сколько-нибудь широкого распространения.

Глава шестая. Социологическая литература начала XX века

I. Начало нового периода
II. Работы Б. Львова, И. А. Давыдова и Н. Катаева. Ю. Делевский. С. И. Солнцев
III. Два новых социолога: А. С. Звоницкая, Н. Г. Воронов
IV. К. М. Тахтарев
V. П. А. Сорокин
VI. Н. И. Кареев
VII. «Коллективная рефлексология» В. М. Бехтерева

I. В МОЕЙ КНИГЕ «ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ социологии» были подведены самые общие, но вместе с тем и главные итоги под тем, что сделано было социологией и за границей, и у нас. Старое уходило в прошлое. Начиналось новое. В 1900 г. умер Лавров, в 1904 — Михайловский, в [1910] — Южаков, и в их лице сошли со сцены зачинатели русской социологии. В эти же годы произошел отход легальных марксистов со своей позиции к идеализму, и с этой стороны окон-